

Глава 8. Браслет «Золотые нити гибискуса»

Маркиз Динъюань на удивление не поехал в столичный гарнизон, а остался в Поместье маркиза Динъюань.

Когда прибыл главный евнух из дворца Чанчунь, маркиз сидел в кабинете и изучал донесения от бывших подчинённых из армии «Чжэньвэй», что стояла в Дяньнани. Его широкие, как веера, ладони на первый взгляд не выдавали ничего необычного, но на подушечках пальцев и у основания большого пальца виднелись плотные мозоли. Стоило ему слегка напрячь руку, как на тыльной стороне ладони проступали синие вены, переплетающиеся и уходящие вверх по предплечью. Рядом, в бронзовой курительнице с изящным узором лотоса на крышке, курились благовония, и ароматный дым, выходя из отверстий, наполнял комнату.

Маркизу Динъюань было чуть за сорок. Широкоплечий, крепко сбитый, он стоял нерушимо, как скала, а двигался с повадкой тигра. Черты его лица были резкими и глубокими, и его старший сын, Жун И, был очень на него похож. Можно было представить, каким статным красавцем он был в молодости. Однако сейчас его виски тронула седина, а в уголках глаз залегли глубокие морщины. Лишь взгляд оставался твёрдым и острым, как лезвие, напоминая о былом величии.

Хотя он давно покинул Дяньнань и оставил службу в армии «Чжэньвэй», получив лишь почётную должность в столице, влияние рода Динъюань в тех краях не угасло. Три поколения его семьи служили там, бесчисленное множество его сородичей сложили головы в рядах той армии. От командиров до сотников — все были обязаны роду Динъюань. Разве можно было так просто стереть их заслуги и авторитет? На словах армия «Чжэньвэй» подчинялась династии Цинь, но на деле ждала приказа от маркиза.

Сто тысяч воинов, охранявших Дяньнань, были личной гвардией рода Динъюань.

Их последним козырем.

Слуга доложил о прибытии дворцового посланника, сообщив, что в главном зале уже установлен алтарь для подношений. Маркиз отложил бумаги и, поспешно поправив одежду, направился в главный зал. На полпути он столкнулся с госпожой маркизой Динъюань, которая также торопливо приводила себя в порядок, чтобы встретить гостя. Их взгляды встретились, и, как бывает у супругов, проживших много лет вместе, всё стало ясно без слов.

— Пойдёмте вместе, маркиз, — сказала госпожа маркиза Динъюань. Узнав, что Жун Цунцзинь сегодня отправится во дворец, она не спала всю ночь, тревожась о его судьбе и переживая из-за скандала с семьёй Юй. За один день под её глазами залегли тёмные круги, и лицо осунулось.

Маркиз кивнул, и они пошли рядом. Под прикрытием широких рукавов он взял руку жены и ободряюще сжал её.

Госпожа маркиза Динъюань глубоко вздохнула и ответила на его рукопожатие. Что бы ни ждало их впереди, они встретят это вместе.

— Посланник, вы долго ждали. Дворцовые дела так многочисленны, а мы утруждаем вас подобными визитами. Чэньсян, живо принеси мой лучший чай «Изумрудные пики Цаншань», — произнесла госпожа маркиза Динъюань, заметив на столе чашку с грубоватыми чайными листьями. Она с лёгким неудовольствием нахмурилась и отдала приказ служанке.

Эти посланники из дворца были один другого вышемернее. Ни князя, ни вельможи не были им указом. Во дворце даже кошки и собаки ценились выше, чем где-либо ещё, не говоря уже о посланнике из покоев самой императрицы. Одно его слово, брошенное невзначай, могло изменить мнение государя о любом министре.

Госпожа маркиза Динъюань не хотела наживать себе врагов.

— Прощу вас, посланник, присядьте, отдохните, выпейте чаю, — с любезной улыбкой сказала она.

Тут же принесли другое кресло — из цитаня, инкрустированное перламутром, с подушкой, сплетённой из тончайших бамбуковых нитей, что сияли, как нефрит.

Но худой главный евнух поспешно отступил на шаг и, низко поклонившись, с улыбкой произнёс:

— Что вы, госпожа маркиза Динъюань. Ваш второй молодой господин так добродетелен и талантлив, что даже Её Величество императрица восхищается его неземной красотой и сиянием. Я всего лишь прибыл доставить подарки от Её Величества, как я могу заслуживать такого приёма? Вы меня смущаете.

Сердце госпожи маркизы Динъюань ёкнуло.

— А где же второй молодой господин? — спросил главный евнух, заглядывая ей за спину.

— Он... уже на пути в зал Цзялэ.

Вскоре появились Жун Цунцзинь и Жун И. Увидев, что все в сборе, посланник сделал лёгкий жест рукой, и два ряда евнухов в синих халатах и головных уборах футоу, опустив головы, один за другим шагнули вперёд.

— В знак признания верной службы рода Динъюань, Её Величество императрица жалует: превосходного скакуна из Давани, пояс из белого нефрита с четырнадцатью пряжками, триста рулонов узорчатого шёлка, две серебряные шкатулки с золотым цветочным узором, две золотые шкатулки с резным орнаментом...

— ...комплект украшений «Синий феникс» из золота с самоцветами, две шпильки «Феникс в полёте» с позолотой, ожерелье из нефрита «бараньего жира» с подвесками в виде лотосов, пояс с подвесками из красного коралла... — этот список зачитывали долго, и евнухи, сменяя друг друга, подносили подносы, усыпанные драгоценностями, от блеска которых рябило в глазах.

Сомнения в сердцах маркиза и его жены становились всё сильнее. Первые дары, хоть и были драгоценными, соответствовали обычному дворцовому этикету награждения подданных. Но последующие... они были необычны. Украшения подходили как женщинам, так и юношам-«шуан», но некоторые из них были слишком ярких цветов и не годились госпоже маркизе Динъюань по возрасту.

Эти дары, должно быть, готовила старшая фрейлина дворца Чанчунь. Неужели она могла допустить такую оплошность, чтобы подаренные императорской семьёй украшения оказались неподходящими для госпожи?

— Отдельный дар от Шестого принца: шесть горшков со сливой мэйхуа и лакированная шкатулка из цитаня с цветочным узором, — взмахнул рукой посланник. Шесть горшков с цветами внесли в зал Цзялэ, а шкатулку лично поднёс евнух Лю.

Шестой принц? Лицо госпожи маркизы Динъюань в одно мгновение стало мертвенно-бледным. Всё стало ясно. Перед глазами потемнело, мир закружился, и она покачнулась. Маркиз незаметно поддержал её сзади. Госпожа маркиза Динъюань тут же пришла в себя и, собравшись с силами, выпрямилась.

— Императрица очень полюбила вашего второго молодого господина и велела ему почаще бывать во дворце, — с улыбкой сказал посланник, не уточнив, в чьей компании — императрицы или Шестого принца.

— Маркиз Динъюань, госпожа, принимайте дары.

Госпожа маркиза Динъюань почувствовала, будто к её коленям привязали тысячефунтовый груз. Сердце неудержимо падало в пропасть. Она не могла больше стоять.

С глухим стуком она рухнула на колени, подняв облачко пыли. Взгляд её расфокусировался. Маркиз, стоявший позади, дважды дёрнул её за рукав. Лишь тогда госпожа маркиза Динъюань сглотнула, будто проглотила утиное яйцо, и хриплым голосом присоединилась к мужу, благодаря за дары.

— Мы, подданные, благодарим Её Величество императрицу за милость. Да здравствует Её Величество!

— Мы, подданные, благодарим Шестого принца за дары, — на каменных плитах появилось мокрое пятнышко. Поднимаясь, госпожа маркиза Динъюань быстро вытерла слёзы тыльной

стороной ладони.

Посланник сделал вид, что ничего не заметил, и с цветущей улыбкой произнёс:

— Маркиз, во дворце Чанчунь много дел, да и Шестой принц ждёт моего возвращения. Позвольте откланяться.

— Прощу, посланник, — кивнул маркиз. — Жун И, проводи гостя.

— Поздравляю вас, маркиз, поздравляю род Динъюань. Теперь Восточный дворец и ваша резиденция станут одной семьёй. Какое блестящее будущее, какой взлёт! — тараторил посланник, а затем, словно проговорившись, шлёпнул себя по губам. — Ох, что я такое говорю, не мне об этом судить.

Сказав ещё несколько любезностей, он удалился.

На дурака обижаться — себя не уважать. Маркиз, не выказав ни радости, ни гнева, велел старшему сыну проводить посланника.

Жун И проводил его до вторых ворот. Возвращаясь обратно, он, пройдя через резные ворота с изображением цветущей глицинии, услышал из зала Цзялэ тихий, успокаивающий голос отца.

Спустя долгое время тишину пронзил пронзительный крик, смешанный с рыданиями:

— Быстро! Быстро в поместье Юй!

— Я согласилась на условия госпожи Юй! Наложницу мы признаем, ребёнка — тоже! Приданое удвоим! Пусть Цзинь-эр и третий господин Юй поженятся в этом месяце! — Госпожа маркиза Динъюань сидела на полу, и как бы маркиз ни тянул её, она не могла встать. Отталкивая мужа, она ползла по полу и рыдала. — Иди же! Иди скорее!

Её лицо было залито слезами, косметика потекла, смешиваясь со слезами и образуя на полу маленькие лужицы. Это было жалкое и нелепое зрелище, в котором не осталось и следа от бывшего достоинства столичной аристократки.

Маркиз молчал. Жун И долго стоял у ворот, в тени ветвей глицинии, а затем развернулся и ушёл.

Жун Цунцзинь вместе с отцом и матерью поблагодарил за дары, а затем, приняв лакированную

шкатулку из цитаня, тихо поблагодарил и евнуха Лю. Его лицо оставалось ледяным, но уголки губ невольно дрогнули в улыбке.

В главном зале царил хаос, посланник императрицы всё ещё наставлял маркиза Динъюань. Евнух Лю, немного подумав, подошёл к Жун Цунцзиню и тихо, подбирая слова, сказал:

— Это... для вас хорошая новость. Шестой принц, хоть и слаб умом, но императрица и наследный принц очень его любят.

— Даже Его Величество, из-за недуга принца, относится к нему с большой жалостью. Вы... подумайте хорошенько.

— Благодарю, — опустил глаза, ответил Жун Цунцзинь.

Евнух Лю с облегчением вздохнул, но в душе не мог не посочувствовать юноше. С такой внешностью он мог бы стать даже наложником императора. Если бы только род Динъюань не прятал его так тщательно, и слухи о его красоте не расходились бы по столице, то с его внешностью и происхождением он мог бы войти в любую семью. Но род Динъюань оступился: сначала неудачная помолвка, а теперь на него положил глаз Шестой принц.

Просто не повезло.

Он, в конце концов, служил во дворце Чанчунь. И хотя сочувствовал юноше, мог лишь дать совет в рамках своих обязанностей. Дальше всё зависело от самого Жун Цунцзиня.

Воспользовавшись суматохой, Жун Цунцзинь вместе с евнухом Лю покинул зал и вернулся в свой двор Хэнчжи.

Би Тао и Фу Тун не пошли с ним. Одна осталась следить за обстановкой, а другая отправилась в комнату отдыха для служанок, где долго разговаривала с Си Чжи и вернула ей саше. Си Чжи, опутив голову, покраснела до кончиков ушей. Би Тао, вспоминая свой разговор, решила, что была достаточно тактична, и хотела было добавить ещё пару слов, но Си Чжи вдруг схватила ножницы из корзины для рукоделия и в ярости искромсала искусно вышитое саше.

— Я не смею и мечтать, ясно? Можешь больше ничего не говорить!

Серебристый шёлк, словно бабочки, закружился в воздухе и осыпался на пол.

— Ты!.. — Би Тао поняла, что все её старания были напрасны. Не сказав больше ни слова, она вышла из комнаты и, позвав Фу Тун, отправилась обратно.

— Не обращай на неё внимания, у неё просто характер господской дочери, — фыркнула Фу Тун.

— Но мне всё равно странно. Они со старшим молодым господином виделись всего пару раз, откуда такая глубокая любовь, что она уже саше вышивает? — покачала головой Би Тао, не находя ответа. Словно какой-то узел, который невозможно развязать.

Старший молодой господин их рода не был из тех, кто волочится за служанками. Он был серьёзен, сдержан и вёл себя в высшей степени достойно. Их двор Хэнчжи был ближе всего к покоям старшего молодого господина, но даже они с Фу Тун получали от него лишь изредка принесённые из города изысканные сладости, и ничего более. Что же дало Си Чжи повод для таких чувств?

Би Тао никак не могла этого понять.

— Молодой господин, вы вернулись, — сказала Фу Тун, войдя в главный зал и увидев Жун Цунцзиня за столом из чёрного дерева. На столе стояла изящная лакированная шкатулка из цитаня. — Это и есть дар от Её Величества императрицы? — с любопытством спросила она.

— Нет, это от Шестого принца, — с интересом ответил Жун Цунцзинь.

Фу Тун ошеломлённо замерла. Не успела она задать следующий вопрос, как снаружи послышался шум шагов. Это слуги, по приказу Жун Цунцзиня, вносили в его комнату шесть горшков со сливой мэйхуа.

— Это... — запинаясь, проговорила Фу Тун, указывая на цветы.

— Тоже от Шестого принца, — кивнул Жун Цунцзинь, когда слуги, закрыв за собой дверь, покинули двор.

— Зачем Шестому принцу дарить вам всё это? — недоумевала Фу Тун. — Неужели вы встретились с ним, когда ходили во дворец Чанчунь на поклон к Её Величеству? Но незамужней девушке или юноше-«шуан» положено избегать встреч с принцами. Вряд ли императрица была бы так неосторожна.

Жун Цунцзинь провёл пальцами по крышке шкатулки. В его глазах, похожих на цветы персика, мелькнула нежность. Он подцепил крышку, и внутри оказался браслет «Золотые нити гибискуса».

Браслет был отлит из чистого золота. В технике филиграни и чеканки были искусно изображены два переплетающихся цветка гибискуса. В центре каждого цветка был инкрустирован крошечный, с рисовое зёрнышко, рубин. Камень был невелик, но чист, как слеза, и ярк, как капля крови. В лучах света он переливался ослепительным блеском.

Этот браслет не отличался утончённостью и изяществом дворцовых украшений. Он был тяжёлым, роскошным и кричащим — сразу было видно, что это вкус Гу Чжао. Жун Цунцзинь с

улыбкой спрятал его в рукав.

— Достань припрятанный чай «Фэнхуан Даньцун», — приказал он. — Скоро будут гости.

<http://bllate.org/book/13698/1582209>